

ГЛАВА V. СОГЛАСИЯ О МОРСКИХ
ЖИВЫХ РЕСУРСАХ АНТАРКТИКИ

Важным шагом в процессе развития международно-правового режима Антарктики, включая охрану ее природной среды, стало принятие в 1980 г. Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, а также Конвенции о сохранении тюленей в 1972 г. Хотя эти соглашения своей основной целью предусматривали обеспечение должного сохранения живых ресурсов антарктических морей, тем не менее в них нашли определенное развитие и уточнение и некоторые принципы и нормы, содержащиеся в Договоре об Антарктике.

Вопросы сохранения и использования морских ресурсов этого района затрагивались и ранее некоторыми международными соглашениями, например, Международной конвенцией о регулировании китобойного промысла. Однако лишь Конвенция о сохранении тюленей Антарктики и Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики в отличие от предыдущих соглашений непосредственно относятся к антарктическому району. Соответственно в них нашли отражение основные элементы международно-правового режима Антарктики. В данной главе положения этих соглашений подвергаются анализу в большей мере с точки зрения их связи с международно-правовым режимом Антарктики, а не со сходными соглашениями, регулирующими использование морских живых ресурсов в других районах Мирового океана¹⁹⁴.

1. Район применения соглашений

Район применения Конвенции о сохранении тюленей Антарктики определен в ее статье 1: "Действие настоящей Конвенции распространяется на моря к югу от 60° южной широты, в отношении которых договаривающиеся Стороны подтверждают положения Статьи IV Договора об Антарктике". Таким образом, район применения этой Конвенции полностью совпадает с районом применения Договора об Антарктике¹⁹⁵.

Однако существенно, что Конвенция, несмотря на положения статьи 1, касается и некоторой деятельности к северу от 60° ю.ш. Так, согласно пункту (7) статьи 5, "независимо от положения пункта (1) статьи 1, Договаривающиеся Стороны будут... направлять друг другу и СКАР для рассмотрения статистические данные о тюленах Антарктики..., которые были забиты или отловлены их гражданами и судами... в районе дрейфующего льда к северу от 60° южной широты". Тем самым Конвенция связывает район своего применения не только с чисто географической линией - 60° ю.ш., но и в определенной мере с экологическим районом обитания тюленей. Собственно говоря, это в определенной мере подтверждается и положениями подпункта (4)(б) статьи 5, согласно которой "СКАР приглашается... сообщать... о случаях, когда добыча каких-либо

194 Oxman B.H. Antarctica and the New Law of the Sea-Cornell International Law Journal. Vol. 19, N 2, summer 1986, p. 214-216.

195 Ibid, p. 215.

видов тюленей в районе действия Конвенции причиняет значительный ущерб общим запасам тюленей этих видов или ее экологической системе в каком-либо районе". Существенно, что в приведенной выдержке используется термин "экологическая система".

Район применения Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики уже прямо связан с экологическими границами Антарктики. Пункт 1 статьи 1 Конвенции гласит:

"Настоящая Конвенция применяется к антарктическим морским живым ресурсам района к югу от 60° южной широты и к антарктическим морским живым ресурсам района, находящегося между этой широтой и Антарктической конвергенцией, которые являются частью морской экосистемы Антарктики". Конвенция, однако, не ограничивается ссылкой к понятию "антарктическая конвергенция", а дает ее точные географические координаты (пункт 4 статьи 1): "Антарктической конвергенцией считается линия, соединяющая следующие точки вдоль параллелей широты и меридианов долготы:

50° ю.ш., 80° в.д.; 50° ю.ш., 30° в.д.; 45° ю.ш., 30° в.д.; 45° ю.ш., 80° в.д.; 50° ю.ш., 80° в.д.; 55° ю.ш., 150° в.д.; 60° ю.ш., 150° в.д.; 60° ю.ш., 50° з.д., 50° ю.ш., 0° .

Конечно, тем самым допускается определенная условность, так как точные географические координаты лишь приблизительно отражают существующую в природе линию антарктической конвергенции. Тем не менее эта условность вполне понятна для целей данной Конвенции, поскольку позволяет предельно точно определить район ее действия. Существенно, что в Конвенции указаны не просто координаты района, а употреблен термин "антарктическая конвергенция", что говорит о связи района действия Конвенции с физико-географической и экологической границей Антарктики.

Вместе с тем не менее важно, что в вышеприведенном положении Конвенции о районе ее применения отдельно оговорена параллель 60° ю.ш., что, на первый взгляд, представляется излишним, так как режим, устанавливаемый Конвенцией, одинаков для всего района ее действия - как южнее 60° ю.ш., так и севернее. Однако ссылка на 60° ю.ш. является необходимой - район Антарктики к югу от 60° ю.ш. регулируется Договором об Антарктике, а на район к северу от этой параллели Договор не распространяется. Это обстоятельство существенно, так как, во-первых, Конвенция связана с Договором и, во-вторых, Договор устанавливает в пределах района своего действия такой режим, который существенно влияет на решение вопросов, затрагиваемых Конвенцией.

Разница в районах применения этих двух конвенций вызвана, очевидно, соображениями в первую очередь практического порядка. Если биологические виды, затрагиваемые Конвенцией о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, обитают в районе, ограниченном с юга линией антарктической конвергенции, то тюлени в основном встречаются ближе к самому матерiku, т.е. южнее 60° ю.ш.

Район применения Конвенции 1980 г. имеет также одну особенность. В его пределах находятся французские острова Кергелен и Крозе, причем суверенитет Франции в отношении их никем не оспаривается. На Конференции, на которой принималась в 1980 г. Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, было решено включить в Заключительный акт текст заявления, сделанного ее председателем 19 мая 1980 г. о применении Конвенции к водам, примыкающим к островам Кергелен и Крозе, находящимся под юрисдикцией Франции. Существо заявления сводится к тому, что меры по сохранению в этом районе, принимаются в Комиссии только в случае согласия Франции и осуществляются только Францией, которая к тому же вправе принимать и любые национальные меры, направленные на сохранение морских живых ресурсов этого района. Вопрос о Кергелене и Крозе не имеет, конечно, отношения к

проблеме территориальных претензий. Он, скорее, показывает, что единство экосистем антарктических морей заставило поставить под международный контроль (в определенной, естественно, форме) даже морские пространства, примыкающие к островам, попадающим под национальный суверенитет.

2. Сохранение антарктических живых ресурсов и вопрос о территориальных претензиях в Антарктике

Конвенция о сохранении тюленей Антарктики на первый взгляд не вносит ничего нового в трактовку Договором об Антарктике вопроса о территориальных претензиях. Лишь в статье, говорящей о районе применения Конвенции, дается отсылка к статье IV Договора об Антарктике, касающейся территориальных претензий. Однако контекст, в котором сделана эта ссылка, позволяет утверждать, что Конвенция все-таки вносит некоторый новый элемент в понимание этого вопроса. Пункт 1 статьи I Конвенции гласит следующее: "Действие настоящей Конвенции распространяется на моря к югу от 60° южной широты, в отношении которых Договаривающиеся стороны подтверждают положения Статьи IV Договора об Антарктике". Действительно, из текста статьи явствует, что участники Конвенции считают возможным говорить о территориальных притязаниях не только в отношении суши, но и в отношении морских пространств. Хотя Договор об Антарктике и не оговаривает прямо района применения своей статьи IV, касающейся территориальных притязаний, однако поскольку в статье VI говорится, что "ничто в настоящем Договоре не ущемляет и никоим образом не затрагивает прав любого государства или осуществления этих прав, признанных международным правом в отношении открытого моря, в пределах этого района", то, по крайней мере, возникает вопрос, признает ли международное право в принципе существование территориальных претензий в отношении открытого моря, и вообще совместны ли эти понятия. Конвенция о сохранении тюленей Антарктики в определенной мере отвечает на этот вопрос положительно - эти понятия могут быть совместны. В сущности, в Конвенции в упрощенной форме намяла отражение еще формировалась, в то время концепция юрисдикции прибрежного государства на живые ресурсы прилегающих морских пространств. Единственной неточностью Конвенции можно считать то, что давая простую отсылку к статье IV Договора и не уточняя характера территориальных притязаний в отношении морских пространств, она тем самым не показывает разницы между правами государства в отношении суверенной территории и в отношении ресурсов прилегающих к этой территории морских пространств.

Эта неточность полностью устраивается в Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, принятой 8 лет спустя. Статья IV Конвенции гласит:

"1. В том, что касается района действия Договора об Антарктике, все Договаривающиеся Стороны, независимо от того, являются они участниками Договора об Антарктике или нет, в своих отношениях друг с другом связаны положениями Статей IV и VI Договора об Антарктике.

2. Ничто, содержащееся в настоящей Конвенции, и никакие действия или виды деятельности, имеющие место, пока настоящая Конвенция находится в силе:

а) не образуют основы для заявления, поддержания или отрицания какой-либо претензии на территориальный суверенитет в районе действия Договора об Антарктике и не создают никаких прав суверенитета в районе действия Договора об Антарктике;

б) не должны толковаться как отказ любой из Договаривающихся Сторон от какого-либо права или претензии, или основы для претензии, либо как их сокращение или как наносящее им ущерб в том, что касается осуществления юрисдикции прибрежного государства согласно международному праву в пределах района применения настоящей Конвенции;

с) не должны толковаться как наносящее ущерб позиции любой из Договаривающихся Сторон в отношении признания или непризнания ее любого такого права, претензии или основы для претензии;

д) не затрагивают положения пункта пункта 2 Статьи IV Договора об Антарктике о том, что никакая новая претензия или расширение существующей претензии на территориальный суверенитет в Антарктике не заявляются, пока Договор об Антарктике находится в силе".

Пункт 1 этой статьи подтверждает действие статей IV и VI Договора, однако только в отношении района его применения, т.е. южнее 60° южной широты. Подпункты 2 (а) и 2 (д) фактически почти дословно воспроизводят положения пункта 2 статьи IV Договора. Однако в Договоре говорится о территориальных притязаниях в Антарктике без уточнения ее границ, в то время как Конвенция делает ссылку на район действия Договора, т.е. южнее 60° ю.ш. Тем самым Конвенция лишь подтвердила, что режим, установленный статьей IV Договора, относится ко всему району его применения. Если бы в Конвенции был употреблен более общий термин "Антарктика" вместо "район действия Договора об Антарктике", то это могло бы способствовать возникновению двусмысленности.

Район действия Конвенции не только охватывает район действия Договора, но и находится севернее его, вплоть до линии антарктической конвергентии. Однако это не означает автоматического расширения и пломади, на которую распространяются территориальные притязания. В сущности, в этом пункте IV Конвенции заложен достаточно глубокий смысл в отношении международно-правового статуса различных частей Антарктики. Хотя режим, устанавливаемый Конвенцией, един для всего района ее применения, тем не менее она, будучи связанной с Договором об Антарктике, имеет двойственный характер. В районе южнее 60° ю.ш. Конвенция - это уже соглашение в отношении морских живых ресурсов пространства, на которое заявлены претензии, что отличает его от статуса моря севернее 60° ю.ш. Для целей данной Конвенции эта разница является лишь чисто теоретической, т.к. морские живые ресурсы Антарктики являются возобновляемыми ресурсами и при современных темпах их эксплуатации пока существенно затронуты быть не могут. Тем самым их рациональная эксплуатация, а тем более меры по сохранению, никоим образом не могут нанести ущерба интересам отдельных государств в этом районе¹⁹⁶.

Весьма интересны положения подпункта 2 (б). Их можно рассматривать в качестве дальнейшего развития смысла статьи VI Договора и уточнения правового статуса Антарктики. Если положения статьи IV Договора еще давали пищу для превратного утверждения о том, что Договор относится лишь к матерiku, то Конвенция о

196

См. в этой связи: Colson D.A. The United State Position on Antarctica - Cornell International Law Journal, Vol.19, N 2, summer 1986, p. 292.

сохранении морских живых ресурсов Антарктики окончательно ликвидирует основу для такого толкования, говоря о юрисдикции в отношении прилегающих морских пространств.

Необходимо, однако, сказать о двойственном характере положений этого подпункта. В нем говорится, во-первых, не о районе действия Договора об Антарктике, а о районе применения Конвенции. Как уже указывалось, шестидесятая параллель южной широты является условной границей Антарктики, причем она была избрана в качестве такой границы тогда, когда нельзя было даже предположить, каким образом в международном морском праве модифицируются в дальнейшем понятия, касающиеся пределов различных видов юрисдикции прибрежного государства на прилегающие к его территории морские пространства. Применительно к Антарктике, это, видимо, вполне оправдано, так как вряд ли можно было бы одновременно учесть пределы юрисдикции в отношении таких разнородных понятий, как, например, морские живые ресурсы и морское дно. С другой стороны, подпункт 2 (б), ссылающийся на район применения Конвенции, предлагает фактически новую ее границу, уже экологическую - линию антарктической конвергенции. Насколько оправдано говорить о притязаниях, пусть касающихся по смыслу Конвенции лишь юрисдикции в отношении морских живых ресурсов, в новых пределах, перекрывающих пределы действия Договора об Антарктике? Может, можно было бы без ущерба для данной Конвенции ограничиться рамками Договора об Антарктике, дабы не создавать основы для обвинений в попытках расширить пределы территориальных притязаний? В поддержку зафиксированного в Конвенции положения можно было бы высказать следующее соображение. Если при разработке Договора об Антарктике в первую очередь учитывались вопросы обеспечения мира, безопасности и условий нормального международного сотрудничества¹⁹⁷, то достижения науки и техники, развитие производительных сил поставили в настоящее время ряд новых проблем, связанных как с освоением новых ресурсов¹⁹⁸, так и с качественно новым влиянием на глобальные природные процессы, в частности, экологического порядка¹⁹⁹. Именно эти обстоятельства в значительной мере и оказались при разработке Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики. Договор стремится урегулировать вопросы, связанные с политической стабильностью в этом районе - объявляет

197 Тункин Г. Хороший пример международного сотрудничества. "Международная жизнь", N 2, 1960, стр. 55-60. Hayton H.D. The Antarctic Settlement of 1959 - American Journal of International Law, Vol. 54, No. 2, 1960, pp. 349-371.

198 О наличии в Антарктике минеральных ресурсов см.: Mineral Resources of Antarctica. Compiled and edited by N.A.Wright and P.L.Williams, Geological survey circular 705, Reston, 1974.

199 U.S. Antarctic Program. Hearings before the Subcommittee on Science, Research and Technology of the Committee on Science and Technology, U.S. House of Representatives, 96th Cong. 1st sess, May 1, 3, 1979, Washington, 1979. Joyner C.C. Protection of the Antarctic Environment: Rethinking the Problems and Prospects - Cornell International Law Journal, Vol.19, N 2, summer 1986, p.259, 263

об использовании Антарктики в мирных целях, запрещает мероприятия военного характера, в том числе любые ядерные взрывы, регулирует территориальные притязания, обеспечивает право на инспекцию, обязывает свободу научных исследований, наконец, устраивает основу для возможного столкновения интересов отдельных государств в прилегающих к антарктическому материку морях, делая ссылку к признанным нормам международного права. Отсюда и такая форма Договора - район его действия ограничен условной линией (60° ю.ш.), а в статье VI сделана оговорка в отношении прав, признанных международным правом в отношении открытого моря, направленная в сущности против распространения территориальных притязаний на морские пространства.

Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики делает лишь общую ссылку на эти принципы и цели Договора. Ее задача - урегулирование в Антарктике вопросов, связанных с защитой морских экосистем и использованием живых ресурсов. Соответственно стечет этим целям и район ее действия, лежащий в пределах экологических границ и охватывающий места распространения характерных для Антарктики морских живых организмов.

Такой подход вполне оправдан, так как суровые природные условия определяют места распространения типично антарктических видов фауны и флоры.

Переход от условно географического к экологическому пониманию района Антарктики насет в себе важный элемент обеспечения здесь мира и безопасности. Если раньше причиной конфликтов и напряженности служили столкновения на почве территориальных притязаний, усугубляемые возможностью милитаризации Антарктики, то в настоящее время возникает также опасность столкновения интересов в отношении запасов ресурсов, как живых, так и минеральных. Пренебречь в таких условиях естественными границами распространения этих ресурсов, а также границами, где загрязнение окружающей среды может вызвать особо опасные последствия, означало бы сохранить основу для столкновения таких интересов. Именно поэтому, как представляется, и было оправдано говорить в подпункте 2(б) не о районе применения Договора об Антарктике, а об Антарктике в экологическом смысле, т.е. районе, регулируемом Конвенцией и лежащем к югу от линии антарктической конвергенции.

Однако, кроме того, в подпункте 2(б) говорится не просто о статусе морских пространств, прилегающих к антарктическому материку, а о юрисдикции прибрежного государства. Конечно, и в статье IV Договора об Антарктике говорится о территориальных претензиях отдельных государств, точнее Договаривающихся сторон. Понятно, что Конвенция, создающая международный режим использования морских живых ресурсов, по своему существу не подтверждает притязаний отдельных государств. Тем не менее такой терминологической меркантоватости можно было бы избежать, применяя, например, такую формулировку:

Ничто, содержащееся в настоящей Конвенции, и никакие действия или виды деятельности, имеющие место, пока настоящая Конвенция находится в силе..., не должны толковаться как наносящие ущерб правовому статусу морских пространств в пределах района применения настоящей Конвенции.

При анализе статьи IV Конвенции возникает еще один вопрос - какую смысловую нагрузку несут подпункты 2 (а) и 2 (д) в данном контексте?

В сущности, они почти дословно вопроизводят положения пункта 2 статьи IV Договора об Антарктике, что вряд ли было столь уж необходимо, если учесть, что пункт 1 статьи IV Конвенции прямо связывает ее участников положениями статьи IV Договора.

Таким образом, можно подытожить некоторые выводы в отношении района применения Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики.

Антарктика является единым регионом, который характеризуется комплексом ясно определенных и взаимосвязанных признаков - экологических, физических, геологических, климатических и других. Вполне естественно было бы, если бы для этого региона существовал международно-правовой режим, касающийся ресурсов, связанных с этими границами. Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики и создает такой режим, касающийся только морских живых ресурсов. Одновременно Конвенция регулирует вопрос возможных притязаний на распространение национальной юрисдикции на эти ресурсы и предотвращает возможность возникновения в будущем какого-либо конфликта на этой основе. С этой точки зрения вполне оправданно говорить о такого рода притязаниях в пределах применения Конвенции. Кроме того, в Конвенции отражена разница в статусе морских пространств к северу и к югу от 60° ю.ш. Хотя эта разница и не сказывается непосредственно на вопросах, регулируемых Конвенцией, тем не менее она весьма важна для урегулирования иных проблем, касающихся Антарктики - например, проблемы минеральных ресурсов.

3. Виды ресурсов и виды деятельности, регулируемые соглашениями о сохранении морских живых ресурсов Антарктики

Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики охватывает все морские живые ресурсы в районе своего применения (пункт 1 статьи 1 Конвенции). В пункте 2 статьи 1 Конвенции указывается: "морские живые ресурсы означают популяции плавниковых рыб, моллюсков, ракообразных и всех других видов живых организмов, включая птиц, обитающих к югу от антарктической конвергенции".

В сущности, такой подход Конвенции к этому вопросу достаточно показателен. Несмотря на то что в настоящее время основным и наиболее перспективным объектом промысла является антарктический криль, в то время как птицы в любом случае вряд ли когда-либо будут использоваться иначе, чем в научных целях, тем не менее Конвенция оговаривает, что ее положения применимы именно ко всем живым ресурсам. Такое решение вполне логично объяснимо - Конвенция направлена на обеспечение сохранения уникальной антарктической экосистемы, отдельные элементы которой тесно взаимосвязаны. Вряд ли меры по сохранению были бы эффективны, если бы они не касались всех элементов экосистемы в целом.

С другой стороны, существуют отдельные Конвенции: Международная Конвенция о регулировании китобойного промысла и Конвенция о сохранении тюленей Антарктики. Предмет их регулирования достаточно четко определен. Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики оговаривает в статье VI, что "ничто, содержащееся в настоящей Конвенции не умаляет прав и обязательств Договаривающихся Сторон по Международной Конвенции о регулировании китобойного промысла и Конвенции о сохранении

тиленей Антарктики". Цели этих двух конвенций - регулирование промысла отдельных биологических видов, а не сохранение антарктической экосистемы в целом.

По вопросу о видах регулируемой деятельности Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики имеет много общего с Договором об Антарктике. Ее цель - сохранение морских живых ресурсов, и этот вопрос Конвенция регулирует достаточно подробно. В ее рамках предусмотрен надлежащий механизм принятия решений по вопросам сохранения живых ресурсов. Он состоит из комиссии, научного комитета и секретариата. Функции научного комитета определяются тоже подробно. Он является консультативным органом комиссии и предназначен для сбора и изучения информации о морских живых ресурсах, которая необходима для их эффективного сохранения. В круг его полномочий в соответствии со статьей XV Конвенции входит: установление критерии вынесения решений, касающихся мер по сохранению; направление в комиссию своих оценок; разработка предложений о проведении международных и национальных программ исследований ресурсов.

Весьма существенна роль научного комитета в работе комиссии - она в своих решениях полностью учитывает его рекомендации и мнение (п.4 статьи IX).

Секретариат и научный комитет фактически обеспечивают работу главного органа по сохранению живых ресурсов - комиссий. Функции комиссии определены весьма четко. Для обеспечения эффективного сохранения морских живых ресурсов комиссия имеет следующие права: определяет количество вылавливаемых видов морских живых ресурсов, районы и сезоны промысла, методы лова, охраняемые виды, критерии вылова в рамках каждого вида (размер, возраст, пол). Она способствует всестороннему изучению ресурсов, собирает о них данные, в том числе статистические данные по уловам, анализирует и распространяет получаемую информацию, устанавливает потребность в сохранении и анализирует эффективность мер по сохранению, применяет систему наблюдения и инспекции.

В мае-июне 1982 г. в г. Хобарте, Австралия, состоялись первые сессии комиссии и научного комитета. В ходе сессий были решены или уточнены ряд вопросов, не намечавшихся в Конвенции отражения или урегулированные лишь в принципе. Учитывая, что Конвенция вступала в силу 7 апреля 1982 г. на сессии комиссии стало возможным определить круг ее участников. К началу сессии конвенции ратифицировали или приняли СССР, Австралия, Аргентина, Англия, Новая Зеландия, Франция, ГДР, ФРГ, Чили, ЮАР, Бельгия и Япония. Все эти государства согласно пункту 2а статьи VII стали членами комиссии, так как они участвовали в совещании, на котором была принята Конвенция. ПНР и Норвегия также участвовали в этом совещании, но поскольку они не стали участниками Конвенции, то соответственно они не стали и членами как комиссии, так и научного комитета, и их делегации пришли участие в работе первых сессий только в качестве наблюдателей.

21 апреля 1982 г. участником Конвенции стала международная организация - Европейское экономическое сообщество, которое присоединилось к Конвенции согласно положениям пункта 2 статьи XXIX. Вопрос о присоединении ЕЭС к Конвенции вызвал, однако, на сессии комиссии определенные споры. Пункт 2 статьи XXIX довольно просто регламентирует возможность присоединения международных организаций, или, говоря языком Конвенции, организаций региональной экономической интеграции. В статье, в частности, упоминается необходимость передачи такой организации со стороны государства - ее членов определенной компетенции по вопросам, затрагиваемым конвенцией. По этому вопросу на сессии комиссии представитель ЕЭС сослался на ряд внутренних документов

Сообщества. Некоторые члены комиссии выразили, однако, сомнение, в какой мере такие документы создают обязательства ЕЭС перед участниками Конвенции. Теоретически получалось, что ЕЭС, присоединившись к Конвенции, в дальнейшем может вновь изменить пределы переданной ему компетенции, поскольку отсутствует механизм, связывающий изменения такой компетенции с участием в Конвенции. Соответственно, возможна ситуация, что ЕЭС будет продолжать оставаться участником Конвенции, и не имея должностной компетенции, т.е. вопреки положениям пункта 2 статьи XXIX. Несмотря на высказанные сомнения, было тем не менее признано, что ЕЭС стал участником Конвенции, поскольку на практике вряд ли возможны ситуации, когда участники Конвенции не знали бы об изменениях внутри ЕЭС по вопросам его компетенции.

Одновременно было решено, что ЕЭС согласно пункту 2(с) статьи VII стал и членом комиссии.

На первой сессии комиссии серьезному рассмотрению был подвергнут вопрос, какой должна быть процедура принятия комиссионных решений. С одной стороны, в Конвенции прямо предусмотрено положение (статья XII), регламентирующее процедуру принятия решений комиссией. Согласно ему, "решения Комиссии по вопросам существа принимаются на основе консенсуса". Решения же по остальным вопросам принимаются "простым большинством голосов членов Комиссии, присутствующих и участвующих в голосовании". При этом "вопрос о том, является ли данный вопрос вопросом существа, рассматривается как вопрос существа". Таким образом, любая из присутствующих делегаций члена комиссии по любому вопросу может заявить, что она рассматривает его в качестве вопроса существа. В таком случае решение по этому вопросу не может быть принято без учета мнения этой делегации. На практике, в ходе сессии почти все вопросы решались на основе консенсуса, что хотя и замедляло в определенной мере работу комиссии, однако гарантировало, что любое принятное решение удовлетворяет все стороны.

Статья XII особо оговорила вопрос об участии в принятии решений организаций региональной экономической интеграции. Существо ее сводится к тому, что такая организация при принятии решения не должна приносить государствам - ее членам лишний голос. Таким образом, при принятии решения международная организация и ее члены, входящие в состав комиссии, решают между собой, кто из них (не обязательно сама организация) не будет участвовать в принятии этого решения. Очевидно, что в случае голосования этот механизм будет действовать достаточно просто. На практике тем не менее возникли сомнения, как следует поступать при принятии решений консенсусом, когда нет голосования и каждый участник может высказать свою точку зрения, которая, в свою очередь, может не позволить принять такое решение. В этой связи было высказано мнение, что процедуру принятия решений консенсусом следовало бы условно подразделить на две части. В первой части все участники при обсуждении конкретного вопроса лишь высказывают свои собственные точки зрения, не выражая пока против предложений другой стороны. Если выясняется, что все точки зрения совпадают, то в таком случае решение может быть беспрепятственно принято. Если же возникают разногласия, то в случае, если одной из несогласных сторон является международная организация или ее государство-участник, то тогда должно быть ясно определено, кто из них воздержится от выдвижения возражений. Несмотря на внешнюю неуклюжесть такой трактовки, она, тем не менее, встретила на сессии определенное понимание, поскольку конкретная обстановка показала ее необходимость и полезность. Так, в ряде случаев принятию решения препятствовала лишь позиция представителя ЕЭС, хотя государства, являющиеся его членами, возражений не

выдвигали. Таким образом, в том случае, когда государства - члены международной организации решали бы, что именно представитель этой организации не будет участвовать в принятии решения, то такое решение могло бы быть принято при общем согласии всех государств - членов комиссии.

На сессии комиссии вопросы о процедуре принятия решений вызвали оживленные дискуссии и в связи с тем, каким образом следует понимать консенсус. Некоторые делегации предлагали дать в правилах процедуры комиссии определение консенсуса, однако из-за разногласий в трактовке этого понятия такое предложение поддержки не получило. Остался открытым вопрос, каким должен быть кворум для консенсуса - все члены комиссии, или же лишь только присутствующие из них на сессии. В правилах процедуры соответствующие положения записаны не были, а была сделана лишь общая ссылка на статью XII Конвенции.

В рамках Конвенции предусмотрены подробно регламентированные принципы системы наблюдения и инспекции, обеспечивающие эффективность ее применения. Необходимо отметить, что система наблюдения и инспекции является важным инструментом, обеспечивающим соблюдение принципов и целей как Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктике, так и Договора об Антарктике. В ходе первой сессии комиссии вопрос о существе и порядке практического функционирования системы наблюдения и инспекции не рассматривался. Вместе с тем положения, содержащиеся в Конвенции (статья XXIV) позволяют сделать и некоторые предварительные выводы. Согласно Конвенции, систему наблюдения и инспекции должна разработать комиссия, однако с учетом существующей международной практики и на основе ряда принципов, упомянутых в Конвенции. Так, участники Конвенции должны сотрудничать друг с другом в целях обеспечения эффективного применения системы наблюдения и инспекции. Такая система должна включать процедуру посещения судна наблюдателями и инспекторами, назначенными членами комиссии, и проведения ими инспекций, а также процедуру судебного преследования государства флага и применения санкций на основе доказательств, полученных в результате такого посещения судна и инспекции.

В статье XXIV предусматривается также, что в целях соблюдения мер, принятых согласно Конвенции, наблюдение и инспекция проводятся на борту судов, ведущих научные исследования или промысел морских живых ресурсов в районе, к которому применяется Конвенция, через посредство наблюдателей или инспекторов, назначенных членами комиссии и действующих в соответствии с условиями, определяемыми комиссией. Назначенные наблюдатели и инспекторы продолжают оставаться под юрисдикцией участника Конвенции, гражданами которого они являются. Они докладывают члену комиссии, который их назначил, и который в свою очередь докладывает уже комиссии.

Из изложенного следует, что система наблюдения и инспекции в рамках Конвенции имеет как много общего с системой инспекции по Договору об Антарктике, так и определенные от нее отличия. Согласно Договору (пункт 1 статьи VII), наблюдатели от государств - участников Консультативных советов могут осуществлять любую инспекцию, предусмотренную Договором, и имеют полную свободу доступа в любое время и в любой или все районы Антарктики. Очевидно, что хотя подобное положение и не оговорено в Конвенции, тем не менее предусмотренная ею инспекция также может осуществляться в любое время и в любом районе, к которому применяется Конвенция. Конечно, цели Договора об Антарктике и цели Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики отличаются. Поэтому если инспекция в первом случае необходима для

претворения в жизнь положений Договора, касающихся в первую очередь использования Антарктики в мирных целях, запрещения ядерных взрывов и удаления радиоактивных материалов, то во втором случае имеется в виду обеспечить в первую очередь соблюдение положений, касающихся сохранения морских живых ресурсов. Конечно, было бы неправильно сводить систему наблюдения и инспекции в рамках Конвенции только к этому. В пункте 1 статьи XXIV говорится, что такая система создается для содействия достижению цели и обеспечения соблюдения положений настоящей Конвенции". Согласно пункту 1 статьи II "целью настоящей Конвенции является сохранение морских живых ресурсов Антарктики". С другой стороны, участники Конвенции, независимо от того, являются они участниками Договора об Антарктике или нет, связываются согласно статье III обязательствами, содержащимися в статьях I и V Договора, и касающимися, как известно, использования Антарктики в мирных целях и запрещения ядерных взрывов. Таким образом, система наблюдения и инспекции в рамках Конвенции теоретически могла бы использоваться и для обеспечения принципов и целей Договора, хотя на практике, видимо, не возникнет необходимости дублировать систему инспекций, проводимой в соответствии с Договором.

Существенно, что наблюдатели, назначенные в соответствии с положениями Договора об Антарктике, и наблюдатели и инспекторы, назначенные в соответствии с Конвенцией, продолжают оставаться под юрисдикцией договоривающейся стороны, гражданами которой они являются.

Конвенция, достаточно детально регламентирующая известные в настоящее время виды деятельности, которые могут повлиять на сохранение морских живых ресурсов Антарктики, не ограничивает возможности своих органов эффективно регулировать в дальнейшем и другие, прямо не оговоренные виды деятельности, которые могут приобрести существенную роль в вопросах сохранения указанных ресурсов²⁰⁰.

Несколько иной характер носит Конвенция о сохранении тюленей Антарктики. В ней, в отличие от Договора об Антарктике и Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, не предусмотрена система органов, обеспечивающих выполнение принципов и целей Конвенции. Конвенция касается сохранения только тюленей. В ней определены виды тюленей, подлежащие регулированию. Применительно к одним видам тюленей в приложении к Конвенции определено максимально возможное количество их добычи, в отношении других - промысел частично или полностью запрещен. Указаны закрытые для промысла сезоны и районы.

Установленные ограничения можно изменить лишь в достаточно сложном порядке, предусмотренном для изменения положений приложения - путем внесения поправки и принятия в дальнейшем внесенных и разосланных поправок всеми участниками или, при определенных обстоятельствах, двумя из трети.

200 В пункте 2(1) статьи IX при перечислении мер по сохранению, которые могут быть приняты комиссией, указывается: "принятие таких других мер по сохранению, какие Комиссия считает необходимыми для осуществления цели настоящей Конвенции, включая меры, касающиеся последствий промысла и связанный с ними деятельности для компонентов морской экосистемы, иных, чем вылавливаемые популяции".

Такая система международно-правового регулирования сохранения живых ресурсов имеет как свои достоинства, так и недостатки. С одной стороны, меры по сохранению вступают в силу одновременно со вступлением в силу самой Конвенции. Эти меры сформулированы достаточно конкретно, не допускают расширительного толкования и, очевидно, обеспечивают надежное сохранение тюленей. Если сравнить в этом отношении Конвенцию о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, то она далеко не предусматривает конкретных мер по сохранению и, в сущности, совсем не гарантирует, что такие меры вообще когда-либо будут приняты в ее рамках. Действительно, несмотря на то, что практически почти все положения Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики пронизаны духом необходимости такого сохранения, тем не менее нигде в Конвенции не говорится, какие виды морских живых ресурсов и в какой мере должны сохраняться и какие виды промысла и как должны быть ограничены. Все это может определить лишь комиссия на основе принимаемых ею решений. Первая сессия комиссии, однако, показала, что, возможно, по некоторым вопросам участники так и не смогут преодолеть имеющиеся разногласия. В случае же таких разногласий комиссия не сможет принять каких-либо мер по сохранению, поскольку такой вопрос, несомненно, будет рассматриваться в качестве вопроса существа, и решения по нему будут приниматься консенсусом.

С другой стороны, в Конвенции о сохранении тюленей Антарктики не предусмотрено создание оперативного механизма принятия мер по сохранению. Возможно, что рост поголовья стада тюленей²⁰¹ мог бы позволить в дальнейшем расширить их промысел, или, наоборот, перечисленные в Конвенции меры могут когда-нибудь в будущем оказаться малоэффективными и не способными предотвратить исчезновение тюленей. Однако система принятия поправок к Конвенции, будучи сама по себе сложной, может затруднить оперативное проведение необходимых мер²⁰².

В отношении определенного вида морских живых ресурсов - тюленей, жесткие меры по сохранению представлялись вполне очевидными уже к моменту заключения Конвенции. Поголовье тюленей резко сокращалось, и этот процесс необходимо было затормозить и поставить под контроль. В период разработки Конвенции возможность быстрого восстановления численности тюленей в ближайшем будущем, и тем более возобновление их широкой промышленной эксплуатации не могли считаться делом реальным. Тем самым структура и содержание Конвенции о сохранении тюленей Антарктики соответствуют ее цели - быстро, эффективно и надежно защитить этот биологический вид от уничтожения. В сущности, эта Конвенция может служить прототипом одной из тех согласованных мер по сохранению, которые могут быть приняты в рамках Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики.

201 Wasserman U. The Antarctic Treaty and Natural Resources - Journal of World Trade Law, Vol. 12, March - April 1978, p. 178.

202 Auburn F.M. Offshore Oil and Gas in Antarctica - German Yearbook of International Law, Vol. 20, 1977, Berlin, Duncker and Humboldt, 1978, SCAR Bulletin, N 49, 1975, pp. 82-83.

далеко не столь точная научная информация имеется в отношении всех морских живых ресурсов Антарктики в целом. Научные данные о них пока довольно неполные²⁰³. Высказываемые иногда оценки запасов, например, антарктического криля²⁰⁴, позволяют полагать, что его промышленную эксплуатацию можно без ущерба значительно расширить, а меры по сохранению должны, соответственно, включать лимит тщательный научный контроль, позволяющий принимать компетентные решения и гарантирующий от неожиданных неблагоприятных результатов такой эксплуатации. Иными словами, пока еще нельзя достаточно определенно сказать, надо ли уже сокращать добчу каких-то видов антарктических морских живых ресурсов, или наоборот, можно пока расширять²⁰⁵. Более чем десятилетний опыт промысла криля говорит, что существующие размеры его эксплуатации ущерба его воспроизводству не наносят²⁰⁶. Соответственно, и цель Конвенции - установить контроль за промыслом с тем, чтобы при необходимости не допустить

-
- 203 Convention on the Conservation of Antarctic Marine Living Resources - Statement of John R.Twiss, Jr. Executive Director, Marine Mammal Commission, before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, October 27, 1981, p. 1.
- 204 Convention on the Conservation of Antarctic Marine Living Resources - Statement of R.Tucker Scully, Director, Office of Oceans and Polar Affairs, Bureau of Oceans and International Environment and Scientific Affairs, Department of State, before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, October 27, 1981, p. 2.
- 205 Криль является основной пищей китов. Сокращение их поголовья отразится и на экологическом равновесии, и вполне возможно, что рост численности криля за счет того, что он не попадает в путь китов, может нарушить экологический баланс в другую сторону. См. также: Mitchell B. Antarctica: a special case? - New Scientist (London), Vol. 73., N 1034, January 13, 1977, p. 64.
- 206 Wasserman U. The Antarctic Treaty and Natural Resources-Journal of World Trade Law (London), vol. 12, March-April 1978, p. 177; Mink P.T. Oceans: Antarctic Resource and Environmental concerns - Department of State (United States) Bulletin (Washington D.C.), N 78, April 1978, p. 177; Pallone F. Resource Exploitation: The Threat to the Legal Regime of Antarctica - The International Lawyer (Washington D.C.), Vol. 12, Summer 1978, p. 547; Hagan P. The Singular Krill - New York Times, March, 9, 1975, p. 40; Krill Offers Hope of New Food Source-Christian Science Monitor, November 29, 1974, p. 3; Tetzeli H.M. Allocation of Mineral Resources in Antarctica: Problems and a Possible Solution - Hastings International and Comparative Law Review, Vol. 10, N 2, Winter 1987, p. 529.

отрицательных последствий²⁰⁷. Такой контроль возможен как благодаря тому, что промысел теперь регулируется на международно-правовой основе, так и благодаря непосредственной активизации научных усилий, призванных дать объективную информацию о состоянии антарктических биоресурсов и обеспечить принятие обоснованных мер.

Определенный интерес представляет вопрос о том, каким образом Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики регулируют ведение разведки таких ресурсов. Собственно говоря, Конвенция о сохранении тюленей Антарктики ничего не говорит о разведке запасов тюленей. В ней регулируются лишь вопросы, связанные с обменом информацией, касающейся таких запасов. Иными словами, Конвенция прямо не регулирует деятельность которую, можно было бы рассматривать в качестве разведки ресурсов.

Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г. также прямо не говорит о разведке ресурсов. Только в пункте 3 статьи II указывается: "Любой промысел и связанная с ним деятельность в районе применения настоящей Конвенции проводятся в соответствии с положениями настоящей Конвенции и следующими принципами сохранения..." Вряд ли может вызвать сомнение то, что разведка морских живых ресурсов относится к "связанной с промыслом деятельностью". С другой стороны, ни перечисленные далее принципы сохранения, ни иные положения Конвенции ничего прямо не говорят о разведке морских живых ресурсов Антарктики. Оправданным, соответственно, представляется вывод, что Конвенция не накладывает каких-либо ограничений в отношении ведения разведки таких ресурсов. Вместе с тем статья IX, регулирующая функции комиссии в рамках Конвенции, указывает, что такая комиссия "собирает данные о состоянии популяций морских живых ресурсов Антарктики, изменениях в них и о факторах, влияющих на распределение, численность и продуктивность вылавливаемых видов и зависящих от них или связанных с ними видов или популяций". В той же статье указывается, что комиссия такую информацию также и распространяет. Очевидно, что в данном случае речь идет о данных, получаемых в результате разведки морских живых ресурсов. Однако из этой статьи еще неясно, откуда будет браться такая информация - будет ли ее собирать комиссия самостоятельно, или она будет пользоваться данными участников Конвенции. Этот вопрос уточняется в пункте 1 статьи XX: "Члены Комиссии в максимально возможной степени ежегодно предоставляют Комиссии и Научному комитету такие статистические, биологические и другие данные и информацию, какие могут потребоваться Комиссии и Научному комитету для выполнения их функций". Таким образом, теперь становится очевидным, что хотя Конвенция прямо и не говорит о разведке морских живых ресурсов, тем не менее она предусматривает систему сбора у членов комиссии данных разведки морских живых ресурсов и последующего их распространения.

207 Статья II Конвенции приводит следующий принцип, на основе которого осуществляется любой промысел и связанная с ним деятельность в районе применения Конвенции: "Предотвращение сокращения численности любой вылавливаемой популяции до уровней, ниже таких, которые обеспечивают ее устойчивое пополнение".

Такое понимание Конвенции находит определенное подтверждение в некоторых положениях заключительного акта конференции в Канберре в мае 1980 г., где была принята Конвенция. В заключительном акте, в частности, говорится, что конференция призывает стороны, имеющие право стать членами комиссии, интенсифицировать исследования, относящиеся к морским живым ресурсам Антарктики, и собирать полученные данные с целью в дальнейшем сообщать их участникам Конвенции.

4. Особые права первоначальных участников

Первоначальные участники Конвенции о сохранении тюленей Антарктики, а ими являются все государства, имеющие статус участников Консультативных совещаний на момент принятия Конвенции, имеют некоторые особые права. В частности, в случае принятия решений совещанием Договаривающихся сторон (статья 6) необходимо большинство в две трети голосов, "включая совпадающие голоса всех стран, подписавших настоящую Конвенцию" (т.е. первоначальных участников Конвенции). Особые права имеют первоначальные участники и в случае присоединения к Конвенции другой страны. Согласно статье 12, "Настоящая Конвенция будет открыта для присоединения любой страны, которая может быть приглашена присоединиться к настоящей Конвенции с согласия всех Договаривающихся Сторон". Конечно, в случае, если к Конвенции присоединится какое-либо государство, то в дальнейшем для присоединения других государств будет необходимо и его согласие как договаривающейся стороны. Тем не менее пока к Конвенции другие государства не присоединились и на практике для их присоединения необходимо согласие всех первоначальных участников Конвенции.

Что касается Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, то, согласно ей, особыми правами обладают все государства, участвовавшие в дипломатической конференции, на которой была принята Конвенция. В этой конференции в Канберре в мае 1980 года участвовали все первоначальные участники Договора об Антарктике, а также ПНР, ГДР, ФРГ. Все они могут стать членами комиссии в рамках Конвенции бессрочно и без каких-либо условий. Другие государства могут приобрести такие права и стать участниками комиссии лишь в случае, если присоединились к Конвенции и ведут исследования или промысел морских живых ресурсов, к которым применяется Конвенция. Эти права, однако, временные - лишь на период проведения таких исследований или промысла.

Более того, согласно п. 2 статьи VII Конвенции, участником комиссии можно стать, лишь заявив о готовности принять уже действующие меры по сохранению. К тому же вопрос о членстве в комиссии может стать и предметом рассмотрения специальной сессии комиссии. Хотя Конвенция и не говорит прямо, что в результате такого рассмотрения в приеме в члены может быть отказано, тем не менее из смысла статьи VII явствует, что факт выполнения требований для получения права членства необходимо, может быть, и

доказывать 208.

Нельзя не отметить, что Конвенция все-таки особо подчеркивает статус государств - участников Консультативных советов по Договору об Антарктике. Участники Конвенции обязуются признавать "особые обязательства и ответственность государств - участников Консультативных Советов по Договору об Антарктике в том, что касается охраны и сохранения окружающей среды в сфере действия Договора об Антарктике" (статья V). Кроме того, участники Конвенции, не являющиеся участниками Договора об Антарктике, обязуются соблюдать все меры, рекомендованные Консультативными советами и связанные, очевидно, с охраной окружающей среды Антарктики.

5. Участие международных организаций

Отдельно можно было бы затронуть проблему участия в Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики международных организаций. Как известно, такое участие признается в современном международном праве, и в ряде международных соглашений уже достаточно длительный срок осуществляется на практике. Тем не менее обычно признается, что международные организации могут участвовать в международных соглашениях лишь в рамках полномочий, предоставленных им в учредительных актах государствами - участниками этих актов, т.е. по существу пользующимися меньшими правами, чем государства, которые являются полноправными участниками таких соглашений. Однако существующая практика довольно не однообразна. Как представляется, основную проблему вызывает необходимость решить, как практически будет реализовываться формула об участии международных организаций в пределах своей компетенции (полномочий). Достаточно ли для этого признать, например, что международная организация не может быть первоначальным участником Конвенции, или что общее число голосов такой организации не должно превышать числа ее участников? Представляется, что проблема все-таки сложнее, т.к. при этом остается нерегулированным вопрос об ответственности, который будет особенно остро возникать в случаях, когда соглашение регулирует конкретную экономическую деятельность. Возможно также, в таком случае было бы необходимо, чтобы международная организация лишалась права участвовать в принятии решения или ограничивалась в этом праве, когда рассматривается вопрос, лежащий полностью или частично за пределами ее компетенции.

Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики предусматривает возможность участия международных организаций. Участие таких организаций предусмотрено на разных условиях с суверенными государствами. Так, первоначальными участниками Конвенции стали только суверенные государства, а международные организации получили право лишь присоединяться к ней. При этом такое присоединение является предметом консультаций между членами комиссии в рамках Конвенции, в то время как для

208 Antarctic Marine Living Resources: Innovation and Conservation - A research paper for the Seminar on Law of the Sea, professors Muys and Nordquist, prepared by Luc Mounier, George Washington University, National Law Center, Washington D.C., April 1981, pp. 38-46.

присоединяющихся государств такая процедура не предусмотрена (статья XXIX)²⁰⁹. Присоединиться может лишь организация, созданная суверенными государствами, в состав которых входят одно или более государств - членов комиссии и которой государства - члены организации передали, полностью или частично, компетенцию в отношении вопросов, охваченных Конвенцией.

Это означает, во-первых, что организация не может присоединиться к Конвенции, если ее государства-участники являются лишь членами Конвенции, но не членами комиссии в ее рамках. Во-вторых, необходима передача, хотя бы частичная, компетенций от государств-участников в организации.

Международная организация может быть членом комиссии, однако лишь в случае, если членом комиссии является хотя бы одно государство - участник организации (статья VII, пункт 2 (с)).

При принятии комиссией решений общее число голосов, поданных международной организацией и государствами - ее участниками не должно превышать общего числа этих государств. Иными словами, организация не имеет дополнительного голоса к голосам государств - ее участников, а лишь заменяет голос одного из таких государств. Соответственно, организация не может иметь и больше одного голоса (статья XII).

Необходимо обратить внимание на специфическую терминологию, используемую в Конвенции. В соответствии с ней международная организация называется "организацией региональной экономической интеграции". Видимо, использование такой терминологии может иметь определенные недостатки. Главный из них - это возможность широкого толкования. Например, исходя из чего следует определять, какая организация является региональной, а какая нет? Что следует понимать под "экономической интеграцией"? Опять-таки возникает вопрос, на основе каких критерии одни организации можно относить к интеграционным, а другие нет. Возможно, что принятие более широкой формулировки могло бы способствовать преодолению такой возможной двусмысленности. Например, заслуживает внимания терминология Конвенции о физической защите ядерного материала - "международные организации и региональные организации интеграционного или иного характера". Конвенция по морскому праву и вовсе говорит лишь о "международных организациях".

То, что в Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики международная организация не заменяет своих государств-членов, а осуществляет свою деятельность параллельно, весьма важно. Дело в том, что международная организация имеет свою определенную компетенцию, которая уже компетенции суверенного государства. Но членство в международных соглашениях влечет ту или иную и нередко материальную ответственность их

209 Пункт 1 статьи XXIX гласит: "Настоящая Конвенция открыта для присоединения любого государства, заинтересованного в исследовательской или промысловой деятельности, относящейся к морским живым ресурсам, к которым применяется настоящая Конвенция".

участников²¹⁰. Что касается пределов ответственности суверенного государства, то они с определенными оговорками достаточно ясны. Не все, однако, так ясно с пределами ответственности международной организации, пусть даже осуществляющей экономическую интеграцию. Например, "Общий рынок" компетентен определять условия ведения рыболовства, которые становятся обязательными для физических и юридических лиц государств-участников непосредственно, без трансформации в национальное законодательство²¹¹. Однако неясно, кто будет нести ответственность, к примеру, финансовую, за действия таких лиц - сам "Общий рынок" или государства - его члены? В случае с Конвенцией о сохранении морских живых ресурсов Антарктики ситуация упрощается за счет того, что кроме международной организации участниками Конвенции и комиссии обязательны быть и суверенные государства (или государство). И тем не менее остается неясным, кто будет нести ответственность, если она вызвана действиями физических или юридических лиц, например, Голландии - участника ЕЭС, но не участника Конвенции. Таких неопределенных ситуаций может возникнуть немало. Так, может ли комиссия принимать решения об ответственности участников, если один из участников не имеет достаточной компетенции, чтобы ее нести (т.к. компетенция международной организации в любом случае меньше компетенции суверенного государства)? Какова в таком случае должна быть процедура принятия решений и будет ли справедливо давать международной организации в такой ситуации полноправный голос, если она не достаточно компетентна это решение выполнить? Можно ли предъявлять иск к участнику международной организации в связи с действиями любого из ее участников? Все эти вопросы, как представляется, могут со временем создать определенные трудности в осуществлении принципов и целей Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики.

Об актуальности постановки вопроса об ответственности международных организаций говорит тот факт, что эта проблема нашла достаточно подробное отражение в Приложении IX Конвенции ООН по морскому праву. Статья 6 Приложения, во-первых, прямо говорит, что международные организации - участники Конвенции "несут ответственность за невыполнение обязательств или любое другое нарушение Конвенции". Существенно, что в статье 6 говорится просто об ответственности международных организаций, а не об ответственности в пределах их компетенции. То, что это не случайное упоминание, говорит содержание пункта 2 той же статьи 6. В нем содержится требование к международной организации ясно определить, "кто несет ответственность в отношении любого конкретного вопроса". "Непредоставление такой информации в разумный срок или предоставление информации противоречивого характера влечет за собой солидарную ответственность". Из этого

210 В статье XXIV Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики говорится, например, о возможности ответственности, хотя только в отношении физических или юридических лиц - участников Конвенции, а не самих этих участников.

211 Юмашев Ю.М. Внешнеэкономические связи ЕЭС и идея "наднациональности" в международном праве - "Советское государство и право", N 11, 1981, стр. 90.

следует, что международная организация и ее члены в любом случае несут полную ответственность по вопросам, затрагиваемым Конвенцией. Вопрос заключается лишь в том, каким образом международная организация и ее члены решат распределить между собой такую ответственность.

К сожалению, в Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики не нашли отражения вопросы, касающиеся определения компетенции международной организации. Конвенция ООН по морскому праву подробно урегулировала и этот вопрос. В статьях 2-5 Приложения IX детально указано, как и каким образом международная организация определяет пределы своей компетенции, причем, что существенно, заявление о пределах компетенции является неотъемлемым элементом процедуры присоединения международной организации к Конвенции. При присоединении ЕЭС к Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики такое заявление сделано не было, что может создать определенные трудности в дальнейшем.